

Ю. Д. Дешериев. **Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика.** — М., Изд-во АН СССР, 1953, 384 стр. (Ин-т языкознания.)

Бацбийский язык является одним из интереснейших представителей иберийско-кавказской семьи языков. Его изучение представляет интерес не только для кавказоведения, но и для общего языкознания. В этом языке сохранены языковые факты, которые дают возможность проследить историю образования ряда грамматических категорий, например, переходных глаголов, страдательного залога, каузатива, потенциалиса, происхождение изменения глагола по лицам. Интересно соотношение в бацбийском языке аспекта и грамматических классов, аспекта и времени. Своеобразны в бацбийском языке фонетические процессы, особенно ослабление гласных в конце слова и в связи с этим образование дифтонгов в предшествующем слоге; назализация конечных гласных и деназализация их при утере конечной позиции и т. д. Весьма ценны показания бацбийского языка, касающиеся эргативной конструкции: материалы бацбийского языка показывают, что в словах так называемого первого класса (обозначающих разумные существа) эргатив и инструменталис были разграничены изначально и что форма, специально предназначенная для эргатива (с суффиксом *c*), никогда не совпадала с инструменталисом.

Книга Ю. Д. Дешериева «Бацбийский язык» затрагивает все основные вопросы грамматики бацбийского языка. Вопросы эти, в основном, решены правильно и суждения автора подкреплены обильными иллюстрациями. Эта книга является единственной обстоятельной монографией по бацбийскому языку. При этом она стоит на уровне современного советского языкознания и, таким образом, является ценным вкладом в науку.

*

Общая характеристика бацбийской фонетической системы и объяснение основных фонетических процессов в рассматриваемой книге приемлемы и не вызывают возражений. В специальных параграфах первой главы автор дает подробное описание звукового состава слова, корня и аффиксов и выдвигает интересное положение о редукции корня, что весьма важно для исследования лексического состава бацбийского языка и взаимоотношения с основами родственных языков. Однако толкование некоторых вопросов, на наш взгляд, является спорным. Автор считает, что в бацбийской речи грузинский *x* закономерно заменяется бацбийским *кx*: *кxелоб* «специальность» (стр. 13), *кxоклоб* «фазан» (стр. 31) и др. Но в подобных случаях в бацбийской речи сохраняется только исходный *кx*, который исчез в современном литературном грузинском языке, однако сохранился в некоторых диалектах. Автор почему-то исключает из перечня назальных гласных *э* и дифтонг *из* (см. стр. 41, 88). На самом же деле назальный *э* встречается довольно часто, поскольку он является окончанием такого распространенного времени, как аорист.

Ю. Д. Дешериев дает анализ происхождения назальных гласных в результате ослабления конечного *n* и назализации предшествующего ему гласного (стр. 48). Но, поправляя в этом вопросе А. Шифнера, он, по нашему мнению, сам допускает некоторую неточность. Он считает, что «бацбийские носовые гласные возникли не только путем поглощения сонорного *n*, но также и в результате редукции целого слога, состоявшего из согласного *n* и конечного гласного...» (стр. 45). Здесь следует видеть две ступени фонетического процесса: гласные в конце слова редуцируются, если же в результате редукции гласных в конце слова окажется согласный *n*, происходит назализация гласного.

В параграфе «К происхождению долгих гласных и дифтонгов в бацбийском языке» автор объясняет происхождение некоторых долгих гласных слиянием двух однородных смежных гласных, а происхождение дифтонгов — слиянием двух неоднородных смежных гласных (стр. 43). Следовало бы полнее учесть все возможные случаи возникновения дифтонгов и долгих гласных.

Гласные в конце многосложных слов и гласные конечного слога перед гласным аффиксом становятся краткими или же совсем исчезают. При этом в результате ослабления *i* и *y* в предыдущем слоге часто образуется дифтонг. Именно этот путь и является источником образования дифтонга в корне слов: *каныз* «виноград», род. падеж *кэ-нэз*; *кxалл* «скушал (он)», *кxаллнас* «скушал (я)».

Если учесть, что дифтонги в основе слов возникли путем перемещения гласных, становится ясным, почему нельзя устанавливать соответствие между **вейнахскими** простыми гласными и бацбийскими дифтонгами. Например, бацб. *eyñlac* «иду», вост.-вейн. *eyñdu*; бацб. *айльнас* «сказал», вост.-вейн. *аьла* (стр. 42). Дифтонги в подобных бацбийских основах — результат частичной редукции и перемещения гласных; достаточно устранить причину редукции (конечная позиция гласного, присоединение гласного суффикса) — и указанный фонетический процесс не будет иметь места (например, *айльнас* ← *аьльнас* «я сказал» и *аьль* «он сказал»).

Вторая часть книги посвящена морфологии. Здесь дается анализ образования и склонения имен существительных, местоимений, прилагательных, числительных (количественных и порядковых). Рассматривая склонение имен, автор выделяет 22 формы; из них первые 5 форм являются основными падежами, остальные же — либо послеложными падежами, либо сложными послеложными образованиями. Автор указывает, что подавляющее большинство падежей в бацбийском языке передают местные отношения (стр. 66), и многие из приведенных 22 форм представляют собой агглютинативное сочетание аффиксов (я бы сказала — послелогов. — Р. Г.). Поэтому не следовало бы включать все эти формы в число падежей.

Суффиксами локатива автор считает *гохь* и *хь* (стр. 65). Собственно показателем локатива (отвечает на вопрос «где?») можно считать только *хь*, а *гохь* является сложным формантом, состоящим из послелогов *гъ* («направительный первый») и *хь* (локатив) и выражающим два конкретных момента: направления и местонахождения. *Гохь* и *хь* функционально разграничены: *хь* отвечает только на вопрос «где?», а *гохь* — одновременно на вопросы «куда» и «где».

По мнению Ю. Д. Дешериева, «в функции локатива употребляются направительный первый» (стр. 65). Формантом же направительного первого падежа является только суффикс *гъ*, где *о* непременно ослаблено (так как находится в конце слова). В указываемом же автором *го* *о* полногласный. Это *го* — не суффикс направительного падежа, а упрощенная форма *гохь*. Здесь *о* не редуцируется, потому что за ним следует звук *хь*, который часто исчезает в конце многосложных слов, но всегда сохраняет оказывающийся в конце слова предыдущий гласный. Таким образом, *го* есть параллельно употребляемая форма: *дадогохь* || *дадго* «у отца» (ср. *дадгъ* «к отцу»).

То же самое можно сказать и об «исходном первом» (стр. 65). Из приводимых *ре*, *горъ* || *гръ* (у автора *е* не назальный) *ре* — простой послелог, указывающий на исходность (отвечает на вопрос «откуда?»), а *горъ* || *гръ* — сложный послелог, состоящий из тех же *гъ*, выражающего направление, и *ре*, выражающего исходность.

Нецелесообразно выделять под двумя разными названиями как два разных падежа одну и ту же форму с суффиксом *х* («инессив первый» и «сравнительный», стр. 64). Не следовало также выделять как отдельный падеж форму со словообразовательным элементом *цй* «без» (по автору, «лишительный падеж», стр. 64).

— В качестве окончаний родительного падежа Ю. Д. Дешериев приводит *й*, *э*, *э*, *й*, *о* (стр. 62). Нам кажется, что редко встречаемые *о* и *й*, возможно, и не являются суффиксами этого падежа. Отмечая все разновидности родительного падежа, следовало бы указать и сферу их применения.

В качестве формативов эргатива он приводит *-ас* (*-с*) и *-иэ*, *-иэ*, *-ов*, *-в*. Однако гласный элемент здесь, по нашему мнению, не является принадлежностью падежного окончания (ср. род. падеж *бадр-э* «ребенка», эрг. падеж *бадр-э-е*, дат. падеж *бадр-э-и*; род. падеж *ден-й* «дня», эрг. падеж *ден-и-э*, дат. падеж *ден-й-и*).

Весьма существенно указание автора на то обстоятельство, что суффикс *е* передает также функцию творительного (инструментального) падежа, суффикс же *с* никогда не выступает в роли творительного падежа, а только в значении субъекта, активного производителя действия (стр. 63).

Ю. Д. Дешериев разделяет склонение бацбийских имен на три типа. «К первому типу склонения относятся все имена существительные, оканчивающиеся в родительном падеже ед. числа на *э*» (стр. 68). Это, как правило, односложные имена. Автор считает, что есть известное количество слов, которые склоняются неправильно. Он указывает, что можно установить некоторые общие закономерности отклонения их от правильного склонения (стр. 68). Автору следовало бы выделить здесь несколько закономерных групп внутри данного типа склонения.

В зависимости от того, какой суффикс родительного падежа использован в тех или иных именах, к какой основе присоединяются эти суффиксы (гласной или согласной, и какой именно этот гласный, какой, далее, гласный включен в конечный слог согласной основы), происходят различные фонетические процессы, что и создает различные подгруппы, виды склонения имен.

Нельзя не согласиться с автором, что слова с окончанием *-э* в родительном падеже образуют особую группу (стр. 68). Но не все примеры, которые он приводит, типичны для этого склонения. Например, имена *нан* «мать» и *дад* «отец», склонение которых отчасти сходно со склонением имен на *-э*, исторически имели основу на гласный *а*, о чем свидетельствует форма эргатива этих имен, где *а* восстановлен: *нана-с*, *дада-с*; в родительном падеже и производных от него формах *е* вторичен, он получен путем ассимиляции и слияния гласных дифтонгов: *ай* → *ей* → *е*, так как, как мы уже указывали, основы с гласным исходом принимают в родительном падеже суффикс *й*. Поэтому в генетическом плане слова *нан* и *дад* должны быть отделены от имен на *э*

В третье склонение автор выделяет имена, возникшие, как он говорит, в результате субстантивации классных глагольных основ (масдаров. — *Р. Г.*) при помощи суффикса *-ki* (вам кажется, *икл.* — *Р. Г.*), как *в-уэлр-и-ки* «крикун», *й-уэлри-ки* «крикунья» и т. д. (стр. 70). Все эти имена с суффиксом *-ки* склоняются так же, как и те, которые автор выделил в первом склонении с окончанием родительного падежа *ē*. Это видно хотя бы из сравнения склонения слова *вуглрики* (на стр. 77) со склонением слова *бадер* (на стр. 74).

Во втором склонении Ю. Д. Дешериев объединяет существительные, в которых при склонении перед падежными окончаниями появляется *ч* (точнее, *чо*. — *Р. Г.*). Дело в том, что аффикс *чо* является характерным для склонения атрибутивных имен, на что указывает и сам автор (см. стр. 67). Имя существительное, которое приводит автор (*пстIуйнō* «женщина»), склоняется по типу прилагательных; как нам кажется, оно также по происхождению является атрибутивным именем. Так как в данной главе автор дает классификацию типов склонения имен существительных, то вносить сюда тип склонения прилагательных нам кажется нецелесообразным.

Весьма ценно, что автор подкрепляет свои суждения о падежах и системе склонения богатым лексическим материалом. Кроме примеров к каждому падежу, автор приводит примеры к ним и в предложениях, что дает читателю возможность разобраться в функциях той или иной формы (см. стр. 70, 71, 72).

В суждениях о глаголе наше внимание привлекают четыре основных вопроса: 1) классификация бабийских глаголов, 2) аспект глагола, 3) образование времен, 4) личные окончания и экспоненты грамматических классов.

Бабийские глаголы по своему строению бывают простые и сложные. Переходность и непереходность простых глаголов устанавливается по падежу субъекта, по наличию прямого объекта или по экспонентам грамматических классов. Иначе обстоит дело в сложных глаголах. Они отображают новую, зарождающуюся систему залоговых категорий; имеются действительный залог, страдательный залог, побудительная и страдательно-побудительная формы. Для образования каждой из этих категорий использован соответствующий вспомогательный глагол, который по принципу агглютинации присоединяется к глагольной или именной основе.

Ю. Д. Дешериев выделяет четыре, как он называет, разновидности спряжения. Первой группы этих глаголов мы коснемся ниже. Во второй разновидности он объединяет глаголы, образуемые посредством вспомогательного глагола *далā* (приближающиеся по смыслу к среднему или возвратному залогу). Автор указывает, что подобные глаголы в восточно-восточном языке имеют значение «иметь возможность», «мочь что-то делать», «находиться в каком-то состоянии» (стр. 93). Весьма интересны эти сведения автора для сравнения потенциалиса и страдательного залога. Как указывает и автор, в бабийском языке эти глаголы уже утратили характерное для страдательного глагола значение «мочь», «иметь возможность...» Для выражения указанных значений в бабийском языке употребляется другой глагол *макIā* («мочь, иметь возможность»), который образует новую категорию — потенциалис (он присоединяется как к переходным, так и к непереходным глаголам). Отсюда видно, что автору следовало остановить свое внимание и на образовании потенциалиса.

В третью разновидность включены побудительные глаголы, образованные формантом *итар*. Автор дает полную и точную характеристику этих глаголов (стр. 110). В четвертую разновидность включены также побудительные глаголы, но образованные с формой *далар* возвратного (страдательного) значения. Автор установил эту своеобразную форму образования каузатива от страдательного залога и дал совершенно правильный анализ его. Как мы уже видели, все три группы были закономерно выделены по принципу своего образования.

Мы умышленно не касались до сих пор первой разновидности глаголов. В эту группу автор включает, по видимому, простые по структуре переходные и непереходные глаголы. Однако положенный им в основу этой классификации принцип нарушается, как только он включает сюда сложный по составу глагол *цIерад'д'ар* «писать», который образован, как все заимствованные переходные глаголы, посредством вспомогательного глагола *дар* «делать» (стр. 92).

Непонятно, почему Ю. Д. Дешериев наряду с другими типами не выделяет отдельно группу переходных глаголов с вспомогательным глаголом *дар*, что было бы совершенно логично, если следовать его же принципу группировки глаголов. Он касается этой формы неоднократно в своем труде (стр. 130, 317 и др.). Более того, кончая анализ четырех разновидностей образования глагольных форм, Ю. Д. Дешериев добавляет: «Почти от всех непереходных глаголов образуются переходные глаголы путем присоединения к смысловому глаголу классного вспомогательного глагола *диал* *деб* «делай», уже превратившегося в аффикс» (стр. 130). *Деб* и есть повелительная форма глагола *дар*.

Итак, автор дает в общем правильную и интересную характеристику и анализ бабийского глагола, устанавливая важные факты, имеющие значение и для общего языкознания. Он устанавливает основные времена и наклонения, выделяет их аффиксы, указывает функции. По мнению автора, основными временами являются только

что прошедшее время (прошедшее совершенное или аорист) и настоящее. И действительно, все остальные времена так или иначе группируются вокруг этих основных времен. В целом приемлемая характеристика баббийских времен требует некоторых уточнений. Формантом только что прошедшего времени автор считает *и/иэ* (стр. 88). Но характерным для окончания этого времени является наализация гласного: *и, э* (в неправильных глаголах встречается изредка также *иэ*).

Так как назальный звук получен путем ослабления *н* в конце слова, то в 1-ом и 2-ом лице этого времени при присоединении личных окончаний *н* восстанавливается вследствие потери конечной позиции (3-е лицо *аллй* «сказал», 1-ое лицо *айльнас*, 2-ое лицо *айльнахт/айльна*). Приведенные в книге формы 1-го и 2-го лица этого времени не точны (см. стр. 89 и таблицы на стр. 94, 102, 112 и др.).

Ю. Д. Дешериев называет 4 аффикса настоящего времени — краткие *ä, ö, ẽ, ý* (стр. 89, 131); следует добавить также суффикс *й* и указать, что *а* (а не *ä*) встречается очень редко. Правильно отмечает автор общность показателей настоящего и будущего времен, которые различаются только в основе.

В системе времен мы почему-то не находим прошедшего несовершенного времени. Следует отметить, что времена, которые автор называет «недавнепрошедшим» (суффикс *нд*) и «давнепрошедшим» (*но + р*), являются заглазными.

Ю. Д. Дешериев констатирует факт изменения баббийского глагола по лицам. Личными окончаниями служат личные местоимения. Изменение глагола по лицам он правильно квалифицирует как новое для баббийского языка явление, возникшее под внешним влиянием (стр. 84). Материалы баббийского глагола по этому вопросу представляют большой интерес для изучения глагола иберийско-кавказских языков вообще. Интересны наблюдения автора при сопоставлении личных окончаний и показателей грамматических классов в переходных глаголах (см. стр. 222).

Рассматривая причастие, автор указывает, что «в настоящем времени причастие получает аффикс *уй/уин*, а в прошедшем... аффикс *ин/иэн*» (стр. 153). На самом деле причастие настоящего времени образуется от настоящего времени, суффиксом которого часто бывает гласный *ö*, суффиксом же причастия настоящего времени является *йин* (←*ни*); при присоединении его к форме настоящего времени образуется дифтонг *ой*, где *о* перед *и* переходит в *у*, например *ваелö* «видет», *ваелуйин* ← *ваелойин* «идущий», так что *-у-* (←*о*) принадлежит основе настоящего времени, а не входит в окончание причастия. То же самое можно сказать и о причастии прошедшего времени, суффикс которого присоединяется к основе, имеющей окончание *й, е*, поэтому формант *и* в выделенной автором форме причастия этого времени также является принадлежностью аориста, а не причастия.

Рассматривая деепричастие, Ю. Д. Дешериев дает анализ деепричастия только настоящего времени (стр. 157), что же касается деепричастия прошедшего времени, суффиксом которого является *че* (*хь*), то он говорит о нем в другом месте и дает ему другую квалификацию (см. стр. 301).

В разделе «Глагол» автор разбирает систему грамматических классов в баббийском языке, давая исчерпывающие сведения и точный анализ. Однако рассмотрение этого вопроса следовало бы выделить в отдельную главу, поскольку система грамматических классов является самой характерной чертой грамматики баббийского языка (как и многих других иберийско-кавказских языков) и охватывает почти все части речи.

*

Третью часть своей книги Ю. Д. Дешериев посвящает синтаксису баббийского языка. Богатый фактический материал и оригинальные соображения автора делают эту часть книги интересной и ценной. В разделе синтаксиса автор касается эргативной конструкции баббийского глагола. Он указывает на зарождение и распространение эргативной конструкции при непереходных глаголах в 1-ом и 2-ом лицах. Но возникает вопрос, является ли это первичным явлением и тем самым расходит ли баббийский язык в этом отношении со всеми другими иберийско-кавказскими языками, или же эргатив при непереходных глаголах — вторичное явление? Повидимому, автор считает это явление первичным (см. стр. 224). Мы же считаем более правильным предположение о том, что эргатив в 1-ом и 2-ом лицах при непереходных глаголах — вторичное явление, поскольку 3-е лицо сохраняет изначальную форму — номинативную конструкцию. В 1-ом и 2-ом лицах, по нашему мнению, эргатив образован по аналогии с переходными глаголами для выражения динамичности. На это указывают приведенные в книге параллельные формы: *со воже* «я упал», где *со* «я» — им. падеж при глаголе пассивного значения, и *ас воже* «я упал», где эрг. падеж *ас* «я» придает глаголу активное, динамическое значение («я упал, желая этого», например нарочно). Поэтому выделять среди конструкций предложений непереходную конструкцию с эргативом нецелесообразно.

Далее Ю. Д. Дешериев утверждает, что ему «удалось установить, что в баббийском языке еще не все глаголы дифференцировались на переходные и непереходные.

Это выявляется в параллельном построении переходного и непереходного оборотов от одних и тех же глаголов» (стр. 227). Но приведенные в книге примеры неубедительны.

Все приведенные глаголы отображают новую систему образования переходных глаголов с формантом *дар* и страдательных — с формантом *далар*. Две группы глаголов, которые автор считает недифференцированными по переходности, на самом деле дифференцированы. Например, *вахар* «напиться» — непереходный глагол и *вахвар* «напоить» — переходный; *вишар* «лечь» — непереходный глагол, *вишвар* «уложить» — переходный.

Формы, приведенные к переходной конструкции, следует исправить следующим образом: масдар непереходного глагола не *вишар*, а *вишвар*; форма аориста непереходного глагола не *бах*, а *бахбиш*; *дуйц* *Инас* непереходная форма «я наелся», а переходная форма *дуйц* *Идинас* «я накормил» и т. д. (стр. 227).

*

IV часть книги посвящена бацбийской лексике, которой Ю. Д. Дешериев справедливо уделяет большое внимание. Особенно ценно, что автор рассматривает бацбийскую лексику в историческом аспекте, специально останавливаясь на вопросе о заимствованиях. Подчеркнув социальную основу своеобразия бацбийской лексики, автор разделяет ее на два слоя — древний и новый. Под древним слоем он подразумевает собственно бацбийские слова, большей частью встречающиеся и в других вейнахских языках, под новым слоем — слова, заимствованные из грузинского или русского языков. Количество лексических заимствований в бацбийском языке настолько велико, что это представляет несомненный интерес для общего языкознания.

Насколько нам известно, при грамматическом анализе других языков не было случаев столь подробного разбора лексики. Лексика бацбийского языка и ее особенности изучены автором чрезвычайно тщательно с привлечением многообразного и интересного материала, что безусловно является большим достоинством рецензируемого труда.

Не со всеми этимологиями Ю. Д. Дешериева можно согласиться. Например, по его мнению, племенное название *бацби* происходит от вейнахского *буц* «травы»; отсюда *бацби* — «живущие там, где трава» (стр. 325). По нашему мнению, сходство этих слов случайное (*буц* встречается и в бацбийском языке). В слове *калц* *Иул* «дева» автор выделяет форму «лишительного» падежа *ц* *И* «без» (стр. 329). Но это слово, заимствованное из грузинского языка, — сложносоставное и состоит из двух самостоятельных слов: *кали* «женщина» и *ц* *Или* «дитя».

Приведенный автором лексический материал, в основном, не вызывает сомнений, но встречаются и некоторые неточности. Неточно записаны некоторые географические названия: *Тилви*, *Ахмет*, *Алли...* (стр. 8). Приведенные в книге слова приближаются к форме, передающей направление («куда?»). В именительном падеже все эти названия мест имеют суффикс *а*: *Телва*, *Ахмита*, *Алевина*.

Неточно записаны также и формы: *Вуит* *И* (стр. 223, 276), *йуит* *И* (стр. 223), *вуит* *И* (стр. 223, 248, 280, 295), *дуйт* *И* (стр. 275, 276) «идет» (с различными классными показателями); везде следует в конце слова ставить *й* — показатель настоящего времени (*вуит* *й*, *йуит* *й*, *дуйт* *й*, *буит* *й*)¹. Лишним является *й* между гласными в словах: бацб. *клийав*, груз. *клийави* «слива» (стр. 7); груз. *т'квйи* «нуля» (стр. 11), бацб. *ийасам*, груз. *ийасамани* «сирень» (стр. 336); бацб. и груз. *ийа* «фиалка» (стр. 7, 336), груз. *Кили* «саранча» (стр. 9, 338), груз. *буйи* «филин» (стр. 334), груз. *сийа* «спирок» (стр. 327). К корректурным ошибкам относятся формы *нак* *И* («верхал» «клен» (стр. 7), следует: *некерчали*; *санайдроб* «охота» (стр. 9, 328, 337), следует: *надиروب*; *б* *Иари* *И* «волк» (стр. 9, 313), следует: *б* *Иори* *И*; *цок* *Иол* «лиса» (стр. 9, 313), следует: *цок* *Иал*; *мос* *Иавлебел* «учитель» (стр. 11), следует *мас* *Иавлебел*; *ан* *Или* «бузина» (стр. 7, 335—336), следует: *ан* *Или* и др.

Высказанные замечания не умаляют значения работы Ю. Д. Дешериева в целом. Как нами уже отмечалось, этот труд представляет собой первую обширную монографию о бесписьменном бацбийском языке. Анализ грамматического строя и лексического состава данного языка, опирающийся на записанный самим автором богатый материал, соответствует тому высокому уровню, на котором стоит наше советское языкознание. Работа Ю. Д. Дешериева вносит свою лепту в дело научного изучения иберийско-кавказских языков.

Р. Р. Гагуа

¹ Что здесь следует ставить именно суффикс *й*, видно из форм прошедшего несовершенного времени этого глагола, где перед окончанием *р* всегда восстановлен краткий гласный настоящего времени: настоящее время *вуит*, прошедшее несовершенное *вотур*.